

Провинция напомнила о себе

В Саратове прошел XIII Собиновский музыкальный фестиваль

Время новостей - 2000 -

30 мая - с 7.

Вопреки представлениям столичных снобов о том, что подлинные образчики высокого академического искусства сконцентрированы лишь в Москве и Петербурге, провинция живет интенсивной музыкальной жизнью. Те, кто приехал в Саратов на XIII Собиновский фестиваль, имели возможность в этом убедиться. Городская афиша в последнюю декаду мая пестрела заманчивыми предложениями: тут и премьера «Евгения Онегина», и представление балета «Коппелия» в местном оперном театре, и первый губернаторский конкурс пианистов, и авторский вечер питерского композитора Юрия Фалика... При детальном знакомстве с музыкальной жизнью города очевидно, что Оперный театр, возглавляемый дирижером Юрием Кочневым, и Саратовская филармония, в которой оркестр ведет дирижер Эдуард Серов, находятся в состоянии некоторой конфронтации: для небольшого по российским меркам города это, пожалуй, не очень типично, но зато полезно: музыкальные лидеры отказываются на акции, экстраординарные по размаху и дерзости.

Так, на Собиновском фестивале Юрий Кочнев взялся озвучить две ораториальные махины: двухчасовое «Сотворение мира» Гайдна и Te Deum Брукнера в паре с его же Третьей симфонией. Если вспомнить, что в Москве «Сотворение мира» исполняется крайне редко, то такой репертуарный выбор стоит приветствовать особо. Тем более что сыграли «Сотворение» удовлетворительно: живо и увлекательно, с акцентами на звукоизобразительных моментах, которых в гайдновской партитуре предостаточно.

Главным украшением концерта стало, однако, не звучание театрального оркестра, порой излишне скрипучее и уплощенное по тембру, а хор Саратовской консерватории, руководимый талантливым хормейстером Людмилой Лицовой. По своим характеристикам — слитности и точности звучания, динамике и внятности интона-

ции — этот хор не уступит лучшим столичным коллективам, а многие и превзойдет. Неплохо подобрался в «Сотворении» и ансамбль солистов. Москвичи — баритон Марат Галияхметов и многообещающий молодой бас Владимир Байков — спели свои партии стильно и корректно, с изысканной гайдновской фразировкой. Несколько уступали им певицы, солистки саратовского театра Галина Королева и Татьяна Соболева.

По сравнению с гайдновской ораторией исполнение Брукнера было менее удачным. Проблемы оркестра, особенно струнной группы, вышли на первый план при исполнении Третьей симфонии. Невыносимо удручал резкий и какой-то «непричесанный» тембр первых скрипок: фальшь, неточные вступления, сомнительная интонация, а главное — тотальная несыгранность группы. Чуть удачнее прошел Te Deum, да и то потому, что театральный хор, наложившись на звук оркестра, несколько смягчил его неприятный тембр.

Премьера «Евгения Онегина» задумывалась как центральное событие, «гвоздь» фестивальной программы. «Гвоздь», однако, вышел кривоват. Вялая, утомительно умозрительная режиссура Дмитрия Белова и блекло-выцветшее, как бы минималистское оформление Альоны Пикаловой омертвили живую и волнующую музыку Чайковского, выхолостив ее главную — лирическую — составляющую.

Общую идею и смысловые лейтмотивы постановки, собственно, прочесть можно было без труда. На тему дороги и вечного странничества заглавного героя указывают чемодан и дорожный длиннополый кардиган. Дополнительный аксессуар: вагонная дверь с никелированными ручками — из нее и появляется Онегин в первой сцене.

Вторая тема: смешение литературы и жизни, двух слоев реальности, в которых существует Татьяна (ее партию очень романтично исполнила Ольга Кочнева). Выражается беспрестанным чтением с листов бумаги, розданных режиссером не только главным героям, но даже и девушкам, собирающим малину. Дополнительный мо-

НАТАЛЬЯ РАЗИНА

Действие саратовского «Онегина» перенесено в эпоху рубежа XIX-XX веков. Татьяна строга с Евгением, как классная дама — с провинившимся гимназистом

тив: листы бумаги как символ ученичества — впервые мы видим Татьяну и Ольгу в классной комнате, за партами, одетых в школьные фартуки и прилежно внимающих «жизненным урокам» матери с указкой в руке.

Третья тема — неумолимость расчисленного заранее, еще до рождения героев, хода их жизни, верховенство долга над чувством. Ее воплощает указка, передаваемая Лариной своим дочерям. С ней и удаляется Татьяна в заключительной сцене объяснения, предоставляя Онегину (Леонид Сметанников) произнести в одиночестве последнюю сакраментальную фразу: «Позор! Тоска! О, жалкий жребий мой!»

Причин для недоумения по мере просмотра накопилось немало. Художественный текст, задаваемый партитурой Чайковского, упорно со-

противлялся предложенной Беловым интерпретации. Так что отчаянный вопль «Это не «Евгений Онегин»!», вырвавшийся из глубины души какого-то разочарованного меломана по окончании спектакля, можно понять и разделить.

И все же к Собиновскому фестивалю стоит отнестись со снисхождением и поощрением. Он собирает на берега Волги столичных певцов и таких авторитетов в оперном мире, как, скажем, Ирина Архипова (в этом году она приехала в Саратов на Конкурс конкурсов, проводимый в рамках фестиваля). Фестиваль не дает провинциальному театру расслабиться и успокоиться. И в этом его главный успех.

Гюльра САДЫХ-ЗАДЕ,
Саратов

30.5.2000.

Собиновский фестиваль (фразировка)